

Антонио Итурбе

Хранительница книг из Аушвица

Перевела с испанского Елена Горбова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
И92

LA BIBLIOTECARIA DE AUSCHWITZ
by Antonio G. Iturbe

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Итурбе, Антонио.

И92 Хранительница книг из Аушвица: роман / Антонио Итурбе ; пер. с исп. Е. Горбовой. — Москва : Popcorn Books, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-6042628-1-8

Четырнадцатилетнюю Диту забрали из гетто Терезина вместе с матерью и отцом, и теперь она выживает в лагере смерти Аушвиц в детском блоке. Старший по блоку, Фреди Хирш, рассказывает Дите о подпольной библиотеке и просит ее проследить за сохранностью восьми томов, которые узникам удалось пронести в лагерь.

Дита соглашается и становится хранительницей этих книг.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

© Елена Горбова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
Popcorn Books, 2020
© Antonio G. Iturbe, 2012
© Editorial Planeta, S.A., 2012

ISBN 978-5-6042628-1-8

Дите Краус посвящается

Дорогой читатель!

Мне бы хотелось рассказать, как возникла книга, которую ты держишь в руках. Несколько лет назад испанский писатель Антонио Итурбе искал тех, кто мог бы сообщить ему некоторые подробности в связи с задуманным им романом о детском блоке в концентрационном лагере Аушвиц-Биркенау.

Он нашел мой электронный адрес, и у нас завязалась переписка. Его письма были краткими, не более, чем вежливые вопросы, а мои — длинными, подробными ответами. А потом мы встретились в Праге, и в течение двух дней я водила его по тем местам, где росла, показывала, в какой песочнице играла, в какую школу ходила и какой дом мы с родителями покинули навсегда, когда нацистские оккупанты депортировали нас в гетто Терезина. На следующий день мы с ним отправились в тот самый Терезин. Перед нашей поездкой Тони сказал мне: «Всем известна самая большая в мире библиотека. Но я собираюсь написать книгу о самой маленькой библиотеке, а также о ее библиотекаре».

Именно эта книга сейчас перед тобой. Она, естественно, написана на испанском, а то, что ты видишь, — ее перевод. Многие из того, что я рассказывала, было использовано ее автором, хотя, конечно, у него были и другие источники, тщательная работа с которыми позволила ему собрать целую коллекцию данных. Но несмотря на историческую достоверность повествования, книга не является документальной. У этой истории два родителя — моя собственная жизнь и богатое воображение автора.

Спасибо тебе большое за то, что прочтешь книгу и по-делишься ею с другими!

Твоя Дита Краус



Дита Краус (1942)

Автор фотографии неизвестен, семейный архив Диты Краус

На всем протяжении своего существования блок номер 31 концентрационного лагеря смерти Аушвиц служил пристанищем для более пяти-сот детей и нескольких взрослых заключенных, называемых «советниками». И, несмотря на установленный за ним тщательный контроль, располагал тайной детской библиотекой. Микроскопической: всего восемь книг, среди которых — «Очерки истории цивилизации» Герберта Уэллса, книжка на русском языке и учебник по аналитической геометрии [...]. Вечером книги, а также другие сокровища — лекарства и кое-какая снедь — поручались попечению одной из девочек постарше, чьей задачей было прятать все это на ночь — каждый день в новом месте.

Альберто Мангель.
«Ночная библиотека»

Воздействие литературы подобно эффекту спички, зажженной в ночи посреди поля. Одна спичка практически ничего не осветит, но она покажет нам, какая тьма царит вокруг.

Уильям Фолкнер
(цитируемый Хавьером Мариасом)

Аушвиц-Биркенау, январь 1944 года

Эти офицеры, облаченные в черные мундиры и вззирающие на смерть с невозмутимостью могильщиков, понятия не имеют о том, что здесь, на темной болотистой почве, в которую погружается все без разбору, Альфред Хирш возвел школу. Они этого не знают, и нужно, чтобы никогда и не узнали. В Аушвице жизнь человеческая не стоит ни гроша, не стоит ничего, даже меньше; ее стоимость столь ничтожна, что здесь никого не расстреливают: пуля дороже, чем жизнь человека. Для умерщвления используются сообщающиеся камеры, в которые запускают газ «Циклон». Тем самым снижаются затраты: одного баллона газа хватает на сотни человек. Смерть стала видом производственного процесса, рентабельного исключительно в том случае, когда он осуществляется в промышленных масштабах.

Классы в деревянном бараке — это всего лишь поставленные кружком табуретки. Стен нет, да и классной доски глазами не увидишь: учителя изображают в воздухе равнобедренные треугольники, значки циркумфлекса и даже

расположение основных рек Европы жестами, движениями рук. Около двух десятков сбившихся островками детских голов, в центре каждого — учитель. При этом островки расположены так близко друг к другу, что учителя вынуждены говорить шепотом, дабы рассказ о десяти казнях египетских не смешивался с ритмичным напевом таблицы умножения.

Некоторые не верили в то, что такое вообще возможно, и считали Хирша то ли сумасшедшим, то ли наивным дурачком: как можно учить детей в жесточайшем лагере смерти, где все под запретом? А он только улыбался. Хирш всегда улыбался — с самым таинственным видом, как будто знал нечто такое, о чем окружающие не имели ни малейшего понятия.

Не так важно, сколько школ закрыли нацисты, говорил он в ответ. Каждый раз, когда взрослый останавливается на углу, чтобы о чем-то поведать, а вокруг — послушать его — усаживаются дети, открывается новая школа.

Дверь барака внезапно распахивается, и вбегает Якопек, дежурный по безопасности: он несется к камере Хирша, старшего по блоку. С его деревянных сабо разлетаются капли уличной грязи; мыльный пузырь внутренней безмятежности блока 31 лопается. Словно под гипнозом, взирает Дита Адлерова из своего уголка на капли грязи: казалось бы, такие маленькие, незначительные, но все вокруг заражают реальностью — так одна чернильная капля губит целый кувшин молока.

— Шесть, шесть, шестерка!

Это условный знак, сигнал; он означает, что к блоку 31 направляется патруль эсэсовцев. По всему бараку прокатывается тревожный гул. В Аушвице-Биркенау, этой фабрике умерщвления, где день и ночь работают печи, топливом для которых служат человеческие тела, 31-й блок — нечто нетипичное, странное. Скорее аномалия. Достижение Фреды Хирша, который начинал простым тренером в юношеской спортивной секции, а теперь стал атлетом, одолевающим в Аушвице полосу препятствий в ходе самого грандиозного в истории человечества соревнования с катком, перемалывающим жизни. Ему удалось убедить немецкую администрацию концлагеря в том, что занять чем-нибудь детей в отдельном бараке — вещь полезная, потому что облегчит работу родителей в лагере IIb, «семейном» лагере, поскольку в остальных дети встречаются так же редко, как птицы. Птиц в Аушвице нет — они умирают на проволоке ограды, испепеленные электрическим током высокого напряжения.

Администрация концлагеря снизила до создания детского барака. Быть может, по той причине, что это входило в ее намерения изначально. Однако при неукоснительно соблюдаемом условии: этот блок — исключительно игровая зона, обучение какой бы то ни было школьной дисциплине категорически запрещено.

Хирш выглядывает из двери своего кабинета старшего по блоку 31. Ему не приходится ничего говорить — ни своим ассистентам, ни учителям: все глаза и так устремлены

на него. Один почти незаметный кивок. Его взгляд требует безусловного подчинения. Сам он всегда делает то, что должно. И этого же ожидает от остальных.

Уроки прерываются и тут же превращаются в обычные детские хороводы с немецкими песенками или в игру-отгадайку: в тот момент, когда на эту сцену обратятся холодные светлые взгляды арийских волков, возникнет видимость полного соответствия заведенному порядку. Обычно патруль — пара солдат — лишь переступает порог барака и несколько секунд наблюдает за детьми. Иногда солдаты даже аплодируют исполнителям песенки или гладят по головке какого-нибудь малыша и тут же покидают блок, продолжая обход.

Но на этот раз обычный сигнал тревоги Якопек дополняет словами:

— Инспекция! Проверка!

Проверка — совсем другое дело. Проводится построение, обыски, иногда охранники задают вопросы самым маленьким: пользуясь детской наивностью, легче вытянуть нужную информацию. Но ни один из ребят ни разу так и не проговорился. Малыши понимают все гораздо лучше, чем может показаться с первого взгляда, когда судишь о них по перемазанным соплями мордашкам.

Кто-то шепчет: «Пастор!..» Поднимается гул, в котором слышатся нотки отчаяния. Пастором зовут прапорщика СС (*обершарфюрера*) из-за его привычки засовывать руки в рукава кителя, словно священник в рукава сутаны, хотя

единственная практикуемая им религия, как известно всем и каждому, это жестокость.

— Ну-ка, живей, давайте же! Худа, давай, запевай: «Вижу, вижу...»*

— А что я «вижу», пан Штайн?

— Да что угодно, все равно что! Бога ради, сынок, что угодно!

Два учителя с ужасом переглядываются. У них в руках — нечто в Аушвице строго-настрого запрещенное; их обоих точно обрекут на смерть, если оно будет при них найдено. Это очень опасные вещи, настолько опасные, что обладание ими обрекает человека на применение к нему высшей меры наказания, хотя они не стреляют, не являются колющими, режущими или представляющими угрозу здоровью и жизни предметами. То, чего так боятся безжалостные служители Рейха, всего-навсего книги: старые, без переплетов, теряющие страницы, почти ни на что не годные. Но нацисты их преследуют, уничтожают, с маниакальной настойчивостью запрещают. На всем протяжении всемирной истории у всех диктаторов, всех тиранов и угнетателей, будь они арийцами, африканцами, азиатами, арабами или славянами, какого бы цвета ни была у них кожа,

* Песенка-игра в слова в диалоговой форме: поющий называет предмет, который он видит, но с ошибкой в первой букве, второй участник говорит, что нужное слово начинается с другой буквы, а с той, которая была употреблена в названии предмета ошибочно, начинаются другие слова. Вопрос мальчика вызван именно тем, что он хочет, чтобы ему назвали первый предмет, чтобы начать игру. — Здесь и далее *примеч. пер.*